18+

Сергей Кулагин

ТРИ ОКНА НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ И ОДНО НА ПЕРВОМ

Сергей Кулагин

Три окна на втором этаже и одно на первом

«Издательские решения»

Кулагин С.

Три окна на втором этаже и одно на первом / С. Кулагин — «Издательские решения»,

Три женщины, три способа спрятаться от жизни: в идеальной чистоте, в разговорах с прошлым или в мечтах о побеге. Их миры сталкиваются в подъезде, пахнущем гарью. История о том, что семья — это не всегда кровное родство. Иногда это просто те, кто принёс тебе верблюжье одеяло и остался заварить чай, пока пахнет дымом.

© Кулагин С.
© Издательские решения

Три окна на втором этаже и одно на первом

Сергей Кулагин

Дизайнер обложки Сергей Кулагин

© Сергей Кулагин, 2026
© Сергей Кулагин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6439-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация: Три женщины, три способа спрятаться от жизни: в идеальной чистоте, в разговорах с прошлым или в мечтах о побеге. Их миры сталкиваются в подъезде, пахнущем гарью. История о том, что семья — это не всегда кровное родство. Иногда это просто те, кто принёс тебе верблюжье одеяло и остался заварить чай, пока пахнет дымом.

Ветер гнал по брусчатке обтрёпанный скомканный обрывок афиши. На ней ещё угадывались улыбка какого-то эстрадного певца и слово «АНШЛАГ». Афиша билась о чугунную урну, отскакивала и снова бросалась в атаку, будто хотела пробить металл.

Голуби на карнизах сидели, нахохлившись. В окнах пятиэтажек горел мягкий жёлтый свет. За каждым таилась своя история.

* * *

Вера мыла чашку. Третью за вечер. Засыпала соду внутрь, долго тёрла до густой, мутной пены. Споласкивала ледяной водой, от которой сводило пальцы. Затем протирала столовым уксусом — дешёвым, едким, от которого слезились глаза и першило в горле. Снова ополаскивала кипятком из электрочайника со свистком, хотя чашка была чистой ещё до того, как она её взяла. Главное — руки чем-то занять — старый, материнский трюк. Пока пальцы трут губкой по стеклу, в голове нет плохих мыслей.

В аптеке, где Вера двадцать лет работала провизором, всё лежало по местам. Не просто лежало — стояло, висело, покоилось в строгой иерархии. Бумажные ленты термометров — в одном лотке, резиновые перчатки — в другом, коробки с лекарствами выстроены по дате выпуска, корешок к корешку, как солдаты на плацу. Вера искренне не понимала, как люди живут иначе. Как можно зайти на кухню, взять йогурт и не закрыть дверцу холодильника. Как можно бросить ложку в раковину, а не положить её сразу в мойку. Как можно жить в энтропии.

* * *

Лида разговаривала с мужем, точнее, с его фотографией в рамке. Снимок стоял на комоде. На фото он улыбался, щурясь от солнца, и держал в руках огромного, как телёнок, леща. Лещ давно выцвел до цвета старой газеты, но рот у него всё ещё был открыт в беззвучном крике. Лида поставила перед собой чашку с отколотым краем, вторую — напротив, пустую, и рассказывала, как прошёл день.

— Представляешь, хлеб опять подорожал, — она сделала паузу, давая ему время возмутиться, как он всегда возмущался ценам, но фотография молчала. — А Зинаида сверху, ну, ты помнишь её, коза крашеная, опять залила потолок. Третий раз за год. Я прихожу, а в ванной жёлтое пятно и подтёки! Я уже не знаю, смеяться или ругаться. Купила ей на прошлой неделе

новую резинку для бачка, сама поставила, руки по локоть в ржавчине были, думала, всё, а она сегодня снова воду включила и ушла в магазин…

По телевизору, бубнившему в углу, обещали похолодание до минус пяти и гололедицу. Ведущая с идеальным, неподвижным лицом водила руками по карте области, словно разгоняя тучи.

— А помнишь сапоги? Чёрные, на толстом каблуке. Ты меня на День города в торговый центр затащил. Я фырчала, что ноги отвалятся через час, а ты в тот отдел загнал и говоришь: «Бери, Лялька, чего ты». Меряю, а они как раз. Я в них тогда до дома пешком шла, ноги в кровь, но шла и улыбалась, чтобы тебя не расстраивать.

Лида тихо засмеялась, прикрыв рот ладонью, чтобы не показывать прокуренные зубы. Поправила скатерть, хотя та лежала ровно. Третий год так. Она говорила за двоих, потому что боялась однажды проснуться и не вспомнить, как он ставил ударения — всегда на последний слог, назло правилам. Как он хмыкал, не соглашаясь, — носом, «хм-гм». Как звал её из кухни: «Ляль, иди сюда, глянь, что делается!» Голос стирается первым. Лицо ещё стоит перед глазами, а тембр уже рассыпается, как сухой песок. Она читала об этом в глянцевом журнале, в статье про стадии горя, и с тех пор боялась. Садилась перед фото и проговаривала вслух всё, даже чеки из «Пятёрочки», чтобы натренировать память, чтобы звук не исчез…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.